

Юрий Евгеньевич Лодкин — бесспорно, один из самых ярких и колоритных “красных” губернаторов. Талантливый журналист, замеченный из Москвы и ставший корреспондентом всемогущего ТАСС в Брянске, в перестроечные годы Лодкин избирается депутатом РСФСР. Возглавлял Брянский Совет народных депутатов. В сентябре 1993 года поддержал Верховный Совет и после расстрела парламента был арестован. Дважды побеждал на губернаторских выборах и возглавлял Брянскую область до 2004 года.

По роду своей деятельности Юрий Лодкин встречался с высшими руководителями страны, в том числе и с людьми, глубоко ему антипатичными. Об этих встречах он рассказал в книге “Лабиринт”, изданной в 2008 году в Брянске. Автор прислал свой труд в редакцию “Нашего современника”. Мы выбрали из объёмистой книги очерк, посвящённый едва ли не самой зловещей фигуре из стана “реформаторов” — А. Б. Чубайсу, и предлагаем его читателям.

ЮРИЙ ЛОДКИН

ПРОЩАНИЕ С ЧУБАЙСОМ

Троцкого, того самого, которого В. И. Ленин назвал “Иудушкой”, советские историки и беллетристы именовали еще “чёрным гением революции”.

По аналогии, проследивая путь, пройденный им у нас на глазах, я беру на себя смелость назвать Анатолия Борисовича Чубайса “чёрным гением российских реформ”.

... Впервые воочию, не на экране телевизора, не на газетной или журнальной странице, я увидел Чубайса в зале заседаний Съезда народных депутатов в составе гайдаровского правительства, в тот самый момент, когда оскорблённые Хасбулатовым “мальчики в коротких штанишках” покидали Съезд.

Мало кто заметил, по крайней мере, я не читал об этом в прессе ни тогда, ни позже, что демарш команды Гайдара был предпринят по команде Елены Боннэр, вдовы академика Сахарова.

... Представим длинную кишку зала, где раньше проходили заседания Верховных Советов СССР и РСФСР. Если повернуться лицом к трибуне, то видно: справа — достаточно высоко — прилепились к стене маленькие “одноместные” балкончики. Я их не замечал до VI Съезда народных депутатов. На время работы этого Съезда нашу делегацию разместили в центре длинного зала, хотя далеко от “правительственных” мест, но всё же руководящие головы были видны хорошо. И вот в моменты, когда особенно остро разгорались страсти по поводу “чикагских мальчиков”, я заметил, что Гайдар часто поворачивается вправо, показывая нам, сидящим сзади, свой губастый профиль. Я проследил за взглядом первого вице-преьера и увидел самый первый маленький балкончик, на котором сидела знакомая по многим фотографиям

Елена Боннэр. Теперь уже эту зрительную связку Гайдар–Боннэр я не выпускал из поля своего внимания. В момент самого острого накала оскорбительных выражений Руслана Хасбулатова в адрес молодого правительства Гайдар ещё раз повернулся к балкончику. Женщина наверху сделала ладошкой хорошо видимый жест – вставайте. Гайдар наклонился вниз, видимо, что-то сказал своим соратникам, и они всей командой встали со своих мест и, проходя вдоль зала мимо нас, стали покидать Съезд. Вот тогда достаточно близко я впервые увидел председателя Государственного комитета по управлению госимуществом, министра Российской Федерации Анатолия Борисовича Чубайса. Тогда ему было всего лишь 36 лет, и выглядел он, как молодой поджарый жеребчик – ни животика, ни округлой, жирноватой, как у Гайдара, физиономии. Можно было ему без всякого грима брать в руки “трёхлинейку” и идти на съёмки фильма о комсомольцах-добровольцах.

С того близкого съездовского лицезрения Чубайса пройдёт несколько лет, прежде чем государственные заботы приведут меня в Кремль, к дверям кабинета, на котором, как это принято в этих коридорах власти, был только номер. Те, кому было нужно, знали, что “под этим номером” числится руководитель аппарата Президента Российской Федерации.

Номер, кажется, был трёхзначный, но он не отражал подлинно занимаемого места хозяина кабинета в кремлёвской иерархии. В тот момент, когда меня после второго избрания главой администрации Брянской области пригласили в этот кремлёвский кабинет для беседы с “самим Чубайсом”, Ельцин много, как глаголила официальная пропаганда, “работал с документами в Барвихе”. В те месяцы в большинстве газет можно было прочесть, что Чубайс полностью захватил власть в России и при живом, но больном президенте стал “кремлёвским регентом”. Об этом громко говорили и депутаты Государственной Думы, и члены Совета Федерации. Короче говоря, меня – “красного губернатора” – для личного знакомства пригласил к себе хотя и временный, но действующий “самодержец всея Руси”. И тогда, и многократно позже меня покорила пунктуальность Анатолия Борисовича. В тот раз он не вышел навстречу посетителю, приглашая пройти из приёмной в кабинет. Я сам по разрешающему жесту секретарши отворил перед собой одну, а затем и вторую тяжёлые двери.

Хозяин кабинета сидел за письменным столом за раскрытым ноутбуком. Явно нехотя Чубайс поднялся из кресла, вышел из-за стола и столь же нехотя протянул руку для пожатия. Жестом он пригласил меня сесть за приставной столик, сам расположился напротив и, не произнося ни слова, уставился на меня пронизывающим пристальным взглядом. Я не отвёл своих глаз. И эти смотрелки-стрелялки продолжались до неприличности долго. Наконец я не выдержал и сказал:

– Анатолий Борисович, вы так долго и пристально всматриваетесь в меня, что мне вспомнилось изречение кого-то из великих мудрецов...

– Какое ещё изречение и чьё? – спросил Чубайс.

– Не помню чьё, но суть этого изречения помню.

Чубайс промолчал, он ждал, когда я выдам это изречение. И я произнёс от имени безымянного мудреца уже придуманную мною фразу:

– Тот мудрец говорил: “Если передо мной посадят дьявола, то я долго буду смотреть, откуда у него растут рога...” Вот так, кажется мне, и вы сейчас на меня смотрите.

Я выдержал короткую паузу и добавил:

– Так вот, Анатолий Борисович, смотрите сколько угодно, но нет их, ров-то.

Чубайс только криво усмехнулся и сразу же задал вопрос, с которого, очевидно, и планировал начать наш разговор:

– Ну что, на выборах по мне покатался, как хотел?

– А что, Анатолий Борисович, кроме как по Чубайсу мне на выборах и кататься было не по кому? – ответил я на колкий вопрос колкостью.

Не знаю почему, но я себя в этом разговоре чувствовал совершенно спокойно и свободно. После обмена “выстрелами” перешли к делу. Чубайс вернулся в своё кресло и принялся манипулировать кнопками клавиатуры ноутбука.

– Да, Юрий Евгеньевич, наследство вам досталось очень тяжёлое...

Мне не нужно было докладывать о состоянии дел в области. Ноутбук Чу-

байса знал гораздо больше показателей, чем хранила моя память. Глядя в монитор, хозяин кабинета сыпал цифрами и вопросами:

– Почему, на ваш взгляд, в Брянской области промышленное производство упало больше, чем в России, только за минувший год – на 14 процентов?

– Почему падают объёмы торговли с соседними Белоруссией и Украиной?

– Почему в Брянскую область не идут инвестиции?

И этих “почему” было множество. Чувствовалось, что Чубайса очень хорошо подготовили к нашему разговору. Мне показалось, что он остался доволен моими ответами на его вопросы. А я не услышал в эту нашу первую встречу ни одного совета, ни одного обещания о помощи, даже по чернобыльским делам.

Позже мне придётся узнать, что Чубайс не только хорошо был осведомлён о социально-экономическом положении Брянской области, он хорошо представлял общественно-политическую обстановку на Брянщине перед выборами главы администрации области 1996 года. Один из референтов президента передал мне копию Записки “Об обстановке в Брянской области в преддверии местных выборов”. Эту записку, подготовленную по “обращениям граждан”, руководитель администрации Президента Российской Федерации А. Чубайс 14 ноября 1996 года направил всем своим заместителям, помощникам и референтам президента “для информации и использования в работе”.

Вот только некоторые выдержки из документа, прошедшего через руки Чубайса: “Обращается внимание, что в этом году спад промышленного производства в области превысил 14 процентов, на учёте по безработице стоит 5,6 процента работоспособных. Задолженность по зарплате на 28 октября составляет 245,5 миллиарда рублей (3517 предприятий), по детским пособиям – 79,5 миллиарда рублей, по “чернобыльским компенсациям” превысили 141 миллиард рублей”.

Среди писем и телеграмм, полученных Кремлём, в записке выделяется резолюция прошедшего в Брянске многотысячного митинга учителей, врачей, работников промышленных и сельскохозяйственных предприятий, в которой содержится предупреждение “о возможности массовых забастовок до полного погашения задолженности по зарплате”.

“В мае-июне было получено около 70 обращений от коллективов разных отраслей хозяйства области, адресованных Президенту России, с просьбой не менять главу администрации Брянской области В. Барабанова до местных выборов 8 декабря”. *(И Кремль всё же сменил Барабанова на Семернёва без всяких на то оснований. Я полагаю, что за это было хорошо заплачено.)*

Составитель записки – начальник президентского управления по правам человека М. Миронов, беспокоясь об исходе выборов, предупреждает президента через Чубайса словами депутата Брянской областной Думы А. Чумаченко: “В области распространены прокоммунистические настроения!” В довесок к этому предупреждению приводятся слова из письма А. Сехина: “Брянщина полна “красных” листовок, призывов, предупреждений. Многие местные газеты резко критикуют действующую власть, восхваляя коммунистов”.

Выводы автора записки: “На предстоящих выборах кандидатам – представителям демократических преобразований предстоит нелёгкое испытание”. Для рассмотрения Чубайсом предлагаются следующие срочные меры: консолидация демократических сил, ликвидация задолженностей перед “чернобыльцами”, пенсионерами, долгов по детским пособиям.

Ничего этого не было сделано, кроме беспримерного давления на избирателей, устрашения их тем, что Кремль с коммунистом Лодкиным работать не будет.

А теперь отметим, что между первым моим лицезрением “живого” Чубайса на Съезде народных депутатов и этой запиской, которая предшествовала моему второму избранию “губернатором”, прошло около шести лет. Все эти годы, находясь в котле федеральных политических страстей, я не мог не наблюдать за “телодвижениями” Анатолия Борисовича. В эти шесть лет плотно вложились основные исторические деяния Чубайса.

Среди громких деяний Чубайса как руководителя аппарата администрации президента стало его участие в выборах Ельцина на следующий президентский срок. Чубайс проявил изумительную изворотливость и пробойную силу. Можно сказать, что это он сделал Ельцина президентом на второй срок, будучи мозговым центром и локомотивом выборной кампании. Через него проходило всё финансирование. Деньги лились водопадом в выборную каз-

ну. Нам, тогдашним депутатам Государственной Думы, стали известны такие цифры (далеко не полные) этого финансирования. К 28 мая 1996 года избирательный штаб оплатил счета на сумму 588 миллиардов рублей, через день эта сумма возросла до 702 миллиардов, а на 31 мая она уже увеличилась ещё на сорок миллиардов рублей. Всего же к этому сроку, по мнению думских экспертов, были оплачены счета на сумму, превышающую триллион тогдашних рублей. Для сравнения: в российском бюджете на 1996 год на программы “Дети-сироты”, “Дети-инвалиды”, “Дети Севера”, “Дети Чернобыля”, на все дошкольное, начальное и среднее образование было выделено 946,8 миллиарда рублей.

Кроме уже названных, зафиксированных выборных сумм рубли и иностранная валюта выдавались в больших суммах безотчётно. Стоит вспомнить уже забывающуюся акцию с выносом 538 тысяч долларов из Дома правительства. Как только стало известно о задержании “инкассаторов” Лисовского и Евстафьева, Чубайс предпринял лихорадочные действия по освобождению “несунов”, и для этого даже привлёк секретаря Совета безопасности А. Лебеда. Помните, было заявлено, что задержание – это провокация спецслужб против выборного штаба. Чубайс сумел убедить Ельцина, что к этой провокации причастны “неразлучные друзья” – М. Барсуков, директор ФСБ Российской Федерации, и руководитель президентской охраны А. Коржаков. Песня Коржакова была спета. Не может быть при больном царе двух регентов. Один, только один! И им стал Чубайс.

Вскоре после победных ельцинских выборов судьба Чубайса пошла по новому вектору. . . Нам не дано знать, как происходило назначение Анатолия Борисовича на новую должность – в первые подручные В. С. Черномырдина. Можно только догадываться, какие планы с кандидатурой Чубайса связывала ельцинская семья. В любом случае можно говорить, что в тот момент ставки были очень высокие. Придя в правительство на должность первого заместителя председателя правительства, Чубайс получил полномочия, которых не имел ни один из бывших первых замов.

Я же был главой администрации области, когда нам поступило подписанное 25 марта 1997 года В. С. Черномырдиным распоряжение о распределении обязанностей между его заместителями. По этому распределению А. Б. Чубайс: организует проведение экономических реформ, координирует деятельность министерств и ведомств в сферах экономики, финансов и отношений собственности, ведёт вопросы финансовой, денежной и кредитной политики, рынка ценных бумаг, бюджета, развития банковского сектора, вопросы внешнего и внутреннего долга, координирует деятельность налоговой и таможенной служб, валютный и экспортный контроль, обеспечивает взаимодействие с международными и российскими финансовыми организациями. . .

Но вот совсем уже, казалось бы, не профильная для реформатора-экономиста и финансиста – властная обязанность: “Непосредственно координирует и контролирует деятельность. . . Государственного комитета Российской Федерации по печати, Федеральную службу России по телевидению и радиовещанию”.

Я уверен, что этот довесок в виде возможностей, скажем так, “высшего руководства средствами массовой информации”, этот довесок для себя Чубайс выбил ли, выдавил ли из Ельцина и Черномырдина. Для чего?

В книге “Приватизация по-российски” есть одно интересное признание: “Пожалуй, в середине 90-х годов ни в одном другом государственном ведомстве не было столь мощной информационно-идеологической структуры. В Думе и администрации президента стали поговаривать о том, что Чубайсом создана некая мощная информационная империя, способная управлять всем и вся”. Любопытно, что это признание исходит из-под пера того самого А. Евстафьева, одного из старинных друзей Чубайса, соавтора скандальной книги, которого охранники Дома правительства прихватили с полумиллиардом долларов.

Почти неограниченные возможности своей “информационной империи” Чубайс продемонстрировал во время битвы за Ельцина на выборном поле брани.

Теперь, когда Анатолий Борисович стал первым, всевластным заместителем Черномырдина, он решает расширить свои информационные владения, присоединив к окрепшей империи все средства массовой информации, нахо-

дящиеся под властью государства и не только. Наверное, он рассчитывал, что впереди ещё более жестокие битвы за удержание власти.

Я прочёл “Приватизацию по-русски”, как говорится, от корки до корки. Мне было интересно, что скажет Анатолий Борисович о приватизации, чего я пока не знаю. По сути дела в той части, авторство которой принадлежит Чубайсу, я ничего нового для себя не открыл. Оказалось, что под одной обложкой просто систематизировано то, что до этого было в разной форме разбросано в периодике. Анатолию Борисовичу принадлежит авторство девяти очерков, вступительная и заключительная статьи, а также общая редакция коллективного труда. Не скрою, что мне больше понравилась часть, предложенная вместо введения и названная весьма эмоционально “Чубайс на ваши головы!” И начинается изложение позиции с весьма откровенного, обескураживающего признания: “. . . я уже давно привык к тому, что “во всём виноват Чубайс”. Позже мы посмотрим, в чём виноват Анатолий Борисович, чего втайне добивалась, что выставляла напоказ и чего добилась его команда. Меня не заинтересовал рассказ о тайных сборищах “молодых гениальных экономистов”, их легализация и выход на люди. В сентябре 1991 года Гайдар привлёк Чубайса к разработке программы экономических реформ. В это же время проводились интенсивные консультации по составу нового правительства. Уже 6–7 ноября произошли назначения.

“Так началась работа в правительстве Гайдара, так начались реформы, — пишет Чубайс. — Повторю: эти реформы не были навязаны кем-то, они не были продиктованы извне, это были назревшие, наболевшие преобразования, подготовленные всем ходом российской истории”.

“Это был неизбежный поворот в судьбе всей страны”, — пытается убедить нас или, скорее, оправдать себя Анатолий Борисович.

Сейчас мы пока на полях страницы, откуда списана эта цитата. Спросим: чем обернулся этот “неизбежный поворот” для миллионов и миллионов российских граждан?

По мысли Чубайса, нам не понять сути реформ. Сделать это непредвзято сможет только следующее поколение. Это поколение, о котором говорит реформатор, уже на подходе, оно уже получает паспорта и, обретая конституционное гражданство, действительно сможет непредвзято оценить нищету своих ограбленных родителей, бесперспективность своего собственного существования.

На заданный себе вопрос: а можно ли было провести чистую и честную приватизацию, приватизацию, при которой человек реально получил бы свою долю государственной собственности, — Чубайс отвечает, что такая попытка “нарушила бы соотношение сил в обществе и привела бы к опаснейшим политическим потрясениям”.

В чём же видятся Анатолию Борисовичу эти потрясения?

“Для осуществления такой приватизации нам бы пришлось пересаживать всех директоров и всех начальников. Или хотя бы половину из них — в расчёте на то, что половину пересаживать, вторая заткнётся. Не знаю, хорошо это или плохо, но российский государственный аппарат к таким мерам насилия готов не был”.

А что, советский государственный аппарат был готов к репрессивному проведению реформ в интересах директоров и начальников? Зачем закрывать глаза на правду? Приватизация проводилась ельцинско-гайдаровско-чубайсовской хунтой насильно! Создавался директорский капитализм.

В конце марта 1992 года мне пришлось по чернобыльским делам выехать на несколько дней в столицу. В “день обмана” — первого апреля встретившийся мне в гостинице “Россия” наш, брянский, как и я, народный депутат РСФСР, но работавший на постоянной основе член Верховного Совета Владимир Прудников сказал, что сегодня Совет обсуждает “Программу приватизации”, и пригласил меня на это заседание. У меня была возможность воспользоваться его советом-приглашением. Так я оказался в самом центре борьбы за приватизацию, правда, без права голоса.

Я сравниваю свои впечатления с тем, как описывает процедуру принятия программы Чубайс. Точно описывает. (Ему бы профессиональным писателем быть, а не воевать со своим народом.) Действительно, на этом заседании Чубайс был дирижёром своей команды, своеобразным Наполеоном при Аустерлице. Для проталкивания программы он пускает в ход обман, лицемерие,

обходные маневры, отвлечение внимания “противника” на второстепенные “участки фронта”. Даже само описание процедуры пером Чубайса похоже на фронтовую информацию. Не случайно глава, написанная лично А. Чубайсом, называется “Как мы “пробивали” нашу программу”, а следующий за этим подзаголовок – “Раунд первый: аппаратные сражения”.

В первый день обсуждения “Программа” была отправлена на переработку. Комиссию по внесению корректив возглавил В. Ф. Шумейко. Эта комиссия, как выяснилось, работала до глубокой ночи. И, как казалось самим реформаторам, теперь, после мучительного ночного согласования, документ проскочит через Верховный Совет... без обсуждения.

“Но не тут-то было, – пишет Чубайс, – Верховный Совет – зверь серьёзный. Один, другой депутат выступают с возражениями. К микрофону прорываются коммунисты. И пошло-поехало...”

Депутат Тарасов живописует ужасы экономики: развал финансовой системы, дефицит, инфляция, развал производства. “Что же в таких условиях будет иметь наш народ после приватизации?” А депутат Любимов без обиняков обращается к залу: “Убедительно прошу непарламентским языком провалить данный, так сказать, согласованный текст и данную программу”.

Обсуждение продолжалось полдня. Звучали первые предгрозовые раскаты будущих противостояний с Верховным Советом”.

И всё же команде реформаторов удалось “одержать верх”. Когда табло высветило результаты голосования, Чубайс подпрыгнул от радости на своём месте. Было чему радоваться “Наполеону”: 175 депутатов проголосовали – “за”, 30 – “против”, 20 – “воздержались”.

И в книге своей Анатолий Борисович не скрывает восторга: “...мы победили! Это была победа тем более важная, что она состоялась в преддверии Съезда народных депутатов. Мы не знали, что произойдёт на Съезде: свергнут (слово-то какое агрессивное. – Ю. Л.) нас или нет, а первый реальный результат уже имелся”.

При всей своей воинственности на этом памятном мне заседании Верховного Совета Чубайс был ещё “скромным юношей” по сравнению с тем “янычаром”, в которого он превратился позднее. Он и сам, вспоминая о своём тогдашнем поведении, пишет: “Поскольку тогда ещё по отношению ко мне... не было всеобщей ненависти, я обращался к залу достаточно уважительно и старался не применять казуистические приёмы и большей частью отвечал на вопросы по существу”.

“Всеобщая ненависть” у народа к Чубайсу появится позже, когда люди поймут, что принесли им реформы и, в частности, приватизация по Чубайсу.

Специальная комиссия Государственной Думы тщательно исследовала все аспекты “приватизации по Чубайсу”. Она была создана в 1992 году и работала вплоть до 1997 года. Мне в начале 1996 года довелось быть на двух заседаниях этой комиссии, когда, по сути дела, подводились итоги её многолетней работы. К сожалению, эти итоги до сих пор не получили общенародной известности, а я считаю – очень важно, чтобы простые граждане знали, как их ограбили в одночасье. Кто стоял за спиной главного приватизатора России? Когда началась приватизация? Для меня ответ на этот вопрос ясен – 2 января 1992 года, когда реформаторы в один день обратили в прах все сбережения российских граждан. А дальше пошло-поехало. Птенцы “чикагской школы” под крылом Ельцина, пренебрегая совестью, моралью, государственными интересами, ударились во все тяжкие грехи. Комиссия Госдумы засвидетельствовала, что только за 1993 год было вскрыто правоохранительными органами свыше 25 тысяч крупных преступлений в сфере приватизации.

У меня сохранились газетные публикации со многими выступлениями Чубайса, в которых он в розовом свете преподносит цели проводимого разгосударствления собственности.

Он страстно убеждает граждан, что приватизация имеет благородные цели: стабилизацию экономики, повышение эффективности производства, коренное улучшение финансовых дел и, конечно, формирование нового класса собственников. По мысли Чубайса, каждый человек может войти в этот класс (имея два ваучера? – Ю. Л.). Но, как выяснила комиссия Госдумы, это были только агитки, своеобразные фиговые листки, которыми прикрывались волчьи цели реформаторов. В марте 1996 года, когда я уже был депутатом Государственной Думы, я принял участие в парламентских слушаниях, на которых рас-

смастривался второй этап приватизации – послеваучерной. И вот на этих слушаниях Чубайс раскрылся, заявив, что теперь предоставляется возможность структурам, имеющим власть, обменять эту власть на собственность. Вот почему демократура стремилась к получению властных полномочий. Совсем не для утверждения социальной справедливости, не для утверждения власти закона, а для того чтобы обменять эту власть на собственность. Я думаю, есть второе, более точное определение этих целей. Не обменять власть на собственность, а с помощью властных полномочий присовокупить к власти награбленную собственность.

Сколько же новых собственников породила приватизация? Как говорят эксперты, на первом этапе общественная собственность распределилась между примерно миллионом человек. А далее крупная собственность сконцентрировалась в руках не более двух тысяч лиц. Мой коллега по Государственной Думе, один из самых активных членов “приватизационной комиссии”, Владимир Александрович Лисичкин так оценивает ситуацию: “У народа остались красивые фантики – ваучеры, которые они смогли обменять на другие красивые фантики – акции инвестиционных фондов, ставших менее чем за год банкротами или полубанкротами. Так было изначально задумано для простых русских, татар, якутов, мордвы и других рядовых граждан России. Зато израильтяне, братья Чёрные, стали хозяевами алюминиевой промышленности, семья Авена – хозяином сахарной и пищевой, семья Алекперова – хозяином нефтяной, семьи Гусинского, Ходороковского, Смоленского, Малкина – хозяевами финансов России. Давид Коган скупил по дешёвке 500 лучших предприятий России, а Гайдар стал совладельцем и председателем самой рентабельной телекоммуникационной отрасли. И вот этих нерусских хозяев начали называть “новыми русскими”. Бедный русский народ!

А вот прямая речь Анатолия Борисовича из книги “Приватизация по-русски”, в которой он откровенно, с горчинкой в строке, признаётся: “Не любят в России “новых русских”. И отвечает, почему: “Чудес на свете не бывает. Стратегический инвестор, кристально чистый и честный, не спустится к нам из некоей заоблачной выси”. И далее Чубайс даёт очень точную характеристику обобщённому образу “нового русского”, или “новым русским”, вне зависимости от их биографий, партийности или социального происхождения: “У всех у них свои “родимые пятна”, но именно из них и рекрутируется реальный стратегический собственник”.

Характерно, что, называя потенциальных рекрутов в “новые русские”, главный приватизатор стыдливо забывает назвать жуликов, воров-цеховиков, валютчиков, которые и стали сегодня реальными собственниками того, что принадлежало всему государству.

Любопытная деталь. Чубайс в своей книге признаёт, что в процессе приватизации были допущены ошибки и неточности. Мы вправе были спросить тогда, но это право остаётся за нами и сегодня: какие ошибки, Анатолий Борисович?

“Две “Волги” за ваучер – это ко мне, видимо, припечаталось на всю оставшуюся жизнь. Конечно, на старте реформ я недооценил масштаба неизбежного падения цен (?). Недооценил степень подготовленности рыночной инфраструктуры. Результатом всего этого и стали завышенные оценки стоимости приватизационного чека...”

И какой же оказалась цена ошибки?

“Цена ошибки – тяжелейшие негативные последствия для имиджа приватизаторов: народная ненависть к приватизаторам и реформам; долгосрочный политический ущерб для партий и движений, связанных с реформой и реформаторами”.

Заметим, что Чубайса глубоко волнуют не крайне тяжёлые социальные последствия его деяний, а “тяжелейшие негативные последствия для имиджа приватизаторов”.

Почему его вместе с соавторами “Приватизации по-русски” не взволновало падение нашей экономики в пропасть, почему он не покаялся за свои грехи перед миллионами безработных, многими тысячами бомжей и нищих, которых породила приватизация, почему он не признал себя виновным за массовый исход славянских женщин на панели наших и зарубежных городов? Почему?

Не нужно об этом спрашивать Чубайса. И я его не спрашивал об этом при наших встречах. Я уже знал, какие характеристики дают Анатолию Борисовичу и наши, и зарубежные политики. С некоторыми из них можно согласиться, а некоторые, крайние, можно поставить под вопрос. Со знаком вопроса я завершил прочтение статьи известного американского публициста Питера Реддвее в “Вашингтон пост”, перевод которой был представлен в интернете на сайте “Независимой газеты” 28 августа 1997 года, а затем аналитической оригинальной статьи У. Керзонова в самой “Независимой” двумя неделями позже. Эта статья была своеобразным откликом на материал американского публициста, но в значительной мере и пересказом его “просвещённого” мнения о молодом “авторитарном и нечистоплотном политике”. Нигде ранее и позже я не встречал подобных возвышающе-уничужительных характеристик Чубайса. Я ещё раз, обращаясь к труду приватизаторов, хочу на его полях привести несколько выдержек из “Независимой газеты”.

“Чубайс – не тихий отличник Гайдар, не “покорный советник” Лифшиц, не надутый резонёр Бурбулис и не сладкий бонвиван Сосковец. Впервые пути Ельцина пересеклись с политиком, равным ему по силе и ощущению своей исторической миссии и совершенно отличным от Ельцина во всех других отношениях... Этот “авторитарный и нечистоплотный политик” принадлежит к самой опасной категории – фанатик-циник. Фанатик цели, которая, естественно, оправдывает средства, и циник в выборе средств... “Не сдавать своих” – вот, по сути, единственная мораль, которую он открыто исповедует. С такой чисто корпоративной моралью, естественно, можно возглавлять тайную организацию заговорщиков или, в крайнем случае, делать мафиозный бизнес в России. Но как человек с этими взглядами может строить правовое государство, открытое демократическое общество?”

Никак! Чубайс подобными глупостями и не занимается. Он презирает демократов, как “болтунов”, “демшизу”. Наверное, с таким же глубоким презрением смотрел на демократов, на правозащитников тот же Коржаков. Но менталитет Чубайса близок не к гэбэшному майору Коржакову, а, скорее...”

Как вы думаете, к кому подтягивает автор статьи в “Независимой газете” Анатолия Чубайса? Вовек не догадаетесь, пока я не продолжу цитату: “... скорее, к Ленину – интеллигенту, презиравшему интеллигентов. Как и Ленин, Чубайс – беспощадный прагматик, верящий только в революционную целесообразность. Как и Ленин, он не “слюни о демократии пускает”, а “дело делает”. Как и Ленин, он понимает это дело просто: надо игнорировать болтовню о морали, не брезгуя никакой грязью, строить экономическую основу нового общества”.

Со всем, что сказано о Чубайсе, можно согласиться, но вот что касается игнорирования морали Лениным, то здесь нужно поставить твёрдое **НЕТ**, ибо мораль, которую исповедовал Владимир Ильич, была направлена на благоденствие миллионов и миллионов простых людей. А вот с Чубайсом такой ясности нет, и автор закономерно задаётся вопросом: “Основу какого общества закладывает Чубайс? Всё-таки он строит рыночную экономику или нечто иное?” И он, анализируя шаги Чубайса, приходит к мнению: “Россия не стала демократической. Сохраняя некоторые внешние атрибуты свободы, она идёт по пути олигархического общества. И наибольшие шансы втоптать политическую и экономическую свободу в грязь имеют не “вечно вчерашние”, а реформатор № 1, который сумеет это делать яростно и талантливо. Так, как решали эту задачу в начале века непримиримые борцы с самодержавием”.

Круто замешено. Но напомним, что речь идёт о 1997 годе, когда Чубайс был руководителем аппарата президента, а по сути являлся “серым кардиналом”, определявшим всю внутреннюю, в том числе и кадровую, политику в высших эшелонах власти в России.

Но не подумайте, что Чубайс, как гениальный менеджер, один в деталях разработал эту приватизационную аферу. Ничего подобного. Как показало думское расследование, весь проект и процесс приватизации проведён с участием зарубежных спецслужб. В 1993 году, во время моего первого захода во власть, мы получили некое “руководство по приватизации”, заметьте, разработанное с участием Европейского банка реконструкции и развития. И в этом документе выражается благодарность за оказанную помощь фирмам “Морган Гренфелл”, “Бейкер энд Маккензи”, “Кредит Комерсиаль де Франс”, “Купер энд Лойб-рэнд”, “Дэлойд энд Туш”, “Уайт энд Кэйс”, “Сентрал Юропион” и другим.

Для заграничных разведчиков, резидентов и эмиссаров широко распахнулись двери всех наших учреждений. Только в 1992 году по приглашению комитета Чубайса в России побывало более 200 консультантов. Среди консультантов – благодетелей России, как установлено нашими спецслужбами, оказались кадровые разведчики США: Бойл, Христофер, Шаробель, Фишер, Хиктон, Уилсон, Брус и целый ряд других. Пределом высочайшей оценки иностранной помощи стало назначение Чубайсом американца Д. Хей (кадрового сотрудника ЦРУ) начальником отдела иностранной помощи и экспертизы. Этот самый Д. Хей нанёс непоправимый вред нашей стране, но при этом не забыл и своих меркантильных интересов. Через подставную фирму “Гроникс” за бесценок он приобрёл опытный завод НИИ “Графит” и 30 процентов акций Московского электронного завода. Став фактическим хозяином этого комплекса, Д. Хей настоял на отказе в выполнении заказа военно-космических сил России и принял американский заказ.

Когда мы говорим о связях Чубайса с западными сверхвластными структурами, то осознаём, что многое скрыто за кулисами политического театра. При систематизации материалов о главном приватизаторе России мне попал в руки документ, в котором содержалась информация об очередном заседании Бильдербергского клуба, проходившем в шотландском графстве Эйршир в отеле “Торнберри” с 14 по 17 мая 1998 года. В нём говорилось, что в заседании клуба приняли участие 123 представителя властной элиты Запада. В их числе премьер-министр Великобритании Тони Блэр, премьер-министр Финляндии Пааво Липпонен, а также известные в мире политики и финансы Д. Рокфеллер, Г. Киссинджер, В. Хальберштадт, Д. Анъели... Можно продолжить этот список “сильных мира сего”, но умышленно не буду этого делать. Главное, в заседании этого мирового правительства впервые принял участие представитель России – **АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ ЧУБАЙС**. В этой информации говорилось, что после заседания клуба А. Чубайс, при содействии другого активного участника этого объединения – заместителя секретаря казначейства США по международным вопросам Л. Саммерса, **МОМЕНТАЛЬНО** договорился о предоставлении России срочного стабилизационного кредита на 15 миллиардов долларов США, из которых 5 миллиардов были выделены немедленно.

Я ещё расскажу о том, что из себя представляет Бильдербергский клуб, но сейчас хочу обратить ваше внимание на то, что визит А. Чубайса проходил перед известным провалом российской экономики – дефолтом 17 августа 1998 года. Сегодня ясно, что дефолт не был стихийным бедствием, а был спланированной акцией, согласованной с “тайным мировым правительством”. “Великий реформатор” своими глубоко продуманными действиями обеспечил для правительства “киндер-сюрприз” – Кириенко – возможность создания в июле – первой половине августа стабилизационной паузы, в ходе которой западные финансовые компании безболезненно вывели свои капиталы с российского рынка ценных бумаг. Вся тяжесть финансового обвала легла на плечи российской экономики и ввергла нашу финансовую систему в глубокий кризис.

Сегодня достоверно известно, что решения, принятые 17 августа, принимались при активном участии А. Б. Чубайса, которому постоянные консультационные услуги оказывал уже упоминавшийся “секретарь казначейства США” Л. Саммерс.

Так что же это за всемогущий Бильдербергский клуб? С этим вопросом я обратился к специалистам, которые отслеживают деятельность подобных структур. Вот только некоторые сведения об этом закрытом клубе, двери которого распахнулись перед Чубайсом.

Своё название этот клуб берёт от имени отеля “Бильдерберг”, расположенного вблизи голландского города Остерберг, где члены клуба собрались на своё первое заседание. Официальной целью его создания была провозглашена доктрина “улучшения отношений” между США и Западной Европой. Но этой доктриной прикрывались подлинные цели объединения. По замыслу организаторов клуб должен был стать влиятельным инструментом для решения фундаментальных политических и экономических мировых проблем. О конкретном векторе направленности клуба свидетельствует повестка дня первого заседания: “Защита Европы от коммунистической опасности. Позиция Советского Союза”.

Базовыми принципами деятельности клуба, как и в масонских объединениях, является строжайшая секретность, ограниченный доступ в члены, определяемый личной влиятельностью. Вобрав в себя личности, имеющие значи-

тельный вес в экономике, банковском деле, в правительственных структурах и ведущих политических объединениях, клуб проводит свои решения через ключевые фигуры в правительствах и крупнейших транснациональных корпорациях Запада. В заседаниях клуба участвуют около 120 человек. Его руководящий комитет отбирает кандидатуры разовых участников заседаний. Присутствие на одном из заседаний клуба не даёт автоматического права на постоянное членство в клубе, но даже единичное приглашение является свидетельством заметной значимости, влияния и авторитета. Своеобразным центром этого закрытого объединения является “святая троица” — Дэвид Рокфеллер, бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер и тоже бывший председатель совета управляющих Федеральной резервной системы США Пол Волкнер. Предположительно, существует американская и европейская дирекции клуба.

Приглашения в этот “орден самых сильных мира сего” не удостоились ни Михаил Горбачёв, ни Борис Ельцин, ни Егор Гайдар, ни Виктор Черномырдин. Из всех россиян выбор пал только на Анатолия Чубайса.

Приведённых выше характеристик я, естественно, не знал во время нашей первой встречи с “всемогущим регентом”. Но за те месяцы, которые прошли ко времени нашей второй встречи в Кремле, я уже располагал достаточной информацией, чтобы иметь собственное мнение о нём и на основе этого строить свою тактику взаимоотношений с ним.

Должен сказать, что не только я внимательно следил за каждым шагом Чубайса, но и Анатолий Борисович, видимо, после нашей первой встречи дал задание своим легатам “проверить Лодкина на серьёзность”. Однажды в администрацию области прибыл чиновник из Москвы, которого интересовали в Брянске какие-то пустячные вопросы. Этого человека я знал ещё со времени своего съездовского депутатства. Во время беседы со мной он сказал, что ему известен мой интерес к банку “Менатеп”, и он по старому знакомству привёз для меня аналитические документы по этому банку. Интерес к “Менатепу” у меня действительно был. Я детально интересовался, как “Менатеп”, став одним из уполномоченных правительством банков, решал и решает вопросы финансирования “чернобыльских программ” под гарантии Минфина. Это был грабёж среди бела дня: “Менатеп”, финансируя чернобыльские нужды, сразу вычитал из выделенных сумм свою долю — маржу, исчисляемую десятками миллионов рублей. Эти миллионы оборачивались серьёзными потерями для области. Я с благодарностью взял материал по “Менатепу”, они впоследствии помогли мне отбиться от дорогих его услуг. Но каково было моё удивление, когда среди “менатеповских” материалов оказалась копия личного дела полковника Чубайса. Там была анкета с указанием национальности самого полковника и его жены, сведения о двух сыновьях, несколько характеристик на Чубайса-отца, включая фронтовую, и ряд копий других документов. У меня появилось подозрение, что эти документы оказались передо мной не случайно. Представляли они интерес для меня как политического оппонента Чубайса? Да, представляли, в них были некоторые детали, которые можно было использовать против Чубайса. Но некоторые документы показались мне фальсифицированными. Поэтому никакого хода “чубайсовскому досье” я не дал, а впоследствии, убедившись в фальсификации, уничтожил его.

Наша вторая деловая встреча один на один состоялась вскоре после назначения Чубайса первым вице-премьером правительства. Эта встреча не имела ничего общего с нашим первым свиданием. Разговор проходил в спокойном деловом тоне и касался места Брянской области в федеральных межбюджетных взаимоотношениях в 1998 году. Наше положение было чрезвычайно тяжёлым. Проектировками межбюджетных отношений прогнозировалось сокращение объёмов финансовой помощи из федерального фонда с 417 миллиардов рублей в 1997 году до 56,4 миллиарда — в предстоящем. По прогнозным расчётам Минфина, в 1998 году Брянская область должна была иметь самую низкую среди областей Центрального района Российской Федерации обеспеченность населения доходами на одного жителя (1078 рублей). Из прогнозируемых доходов область должна была 85 процентов отдать на финансирование защищённых статей бюджета. На всём остальном нужно было поставить крест. Необходимо было провести с Минфином пересогласование бюджетных показателей области по целому ряду показателей. Я не буду насыщать эти заметки цифрами, скажу только, что, по нашему мнению, были значительно завышены расчёты доходной части по акцизам и неналоговым

доходам. В то же время оказались заниженными расчётные показатели по целому ряду социальных статей, таких как “Зарплата работников бюджетной сферы”, “Питание школьников”, “Содержание детей, находящихся под опекой”, “Летнее оздоровление школьников” и других. Особо отмечу, что к этому времени задолженность федерального бюджета перед брянскими чернобыльцами в тогдашних эквивалентах превысила 105 миллиардов рублей.

Все эти потери бюджета Брянской области были представлены мною Чубайсу. Я обосновал каждую цифру, аргументировал каждое обращение. Эта беседа продолжалась более часа и имела самые серьёзные последствия для области. Минфин после моей встречи с Чубайсом вынужден был подробно и обстоятельно пересмотреть межбюджетные отношения области и Федерации. Это, смею утверждать, позволило Брянщине более безболезненно даже по сравнению с Орловской областью перенести потрясения, связанные с дефолтом 1998 года.

Мне и раньше, да и теперь приходится слышать упреки в том, что я “якшался” с Чубайсом. Эти упреки – следствие недопонимания людьми тех тяжелейших обязанностей, которые лежат на руководителе области. Я и раньше говорил, что мне приходится иногда иметь дело с теми, кому я и руки бы не подал, но понимание того, что за моей спиной стоят интересы почти полутора миллионов жителей Брянщины, заставляла завязывать “морским узлом” свои эмоции и чувства. Мне, коммунисту, приходилось вести спокойные переговоры с откровенными антикоммунистами, защищая интересы большинства своих земляков, исподволь отстаивая принципы социальной справедливости.

О чернобыльских проблемах, которые мы обсуждали с Чубайсом, я не буду говорить много. Эта тема требует отдельного разговора. Я недавно подумал, что к Чубайсу мне по чернобыльским вопросам пришлось обращаться восемь раз. На всех письмах-обращениях он накладывал собственноручные резолюции. Не хотел бы ругать здесь Черномырдина, но всё же скажу, что распоряжения-резолюции Виктора Степановича исполнялись лишь на двадцать–тридцать процентов. Не знаю почему, но исполнение резолюций Чубайса было гораздо лучшим – из восьми обращений соответствующие меры были приняты по семи.

Помните, при обсуждении межбюджетных отношений я поставил перед Чубайсом вопрос о погашении 105 миллиардов долгов перед чернобыльцами. Так получилось, что именно по этому долгу мне пришлось пробиваться к Чубайсу ещё раз. Нужно сказать, что попасть к нему в нужный для тебя момент было почти невозможно. Запись губернаторов к нему осуществлялась за две-три недели вперёд. Столько времени я не мог ждать. Мне необходимо было лично напомнить Анатолию Борисовичу, что не выполнено полностью его указание по погашению задолженности тех самых 105 миллиардов рублей. За полгода, прошедшие со времени нашей предыдущей плановой встречи, из названной суммы было погашено только 23 миллиарда. Я перед этой поездкой в Москву провёл серию встреч с жителями юго-западных районов. Как и во всей России, люди здесь в большинстве своём бедствовали. Их положение усугублялось чернобыльским фактором. Безработица здесь была выше среднеобластной, и многие семьи жили на пенсии стариков и “чернобыльские пособия”. После встречи с Чубайсом, когда он уже стал в правительстве вторым лицом после В. С. Черномырдина, я заверил жителей Красногорского и Злынковского районов, городов Клины и Новозыбкова, что задолженность перед “чернобыльцами” будет погашена максимум через две недели. Но прошло, как уже было сказано, почти полгода, а из Москвы поступило менее четверти долга. Я оказался перед своими земляками в положении злостного лжеца. Этого нельзя было терпеть. Если бы у меня было просто желание снять грех с души, то я мог бы, как это обычно делалось, послать Чубайсу почтой письмо-напоминание. Но я уже хорошо знал, как поступает с подобными письмами секретариат – не показывая “шефу”, делали собственную скользкую машинописную резолюцию, ставили факсимильную подпись и забрасывали обращение в чиновничью карусель. Там оно и пропадало. В лучшем случае ответом была бы отписка, завизированная чиновником из третьего эшелона власти. Меня такой исход не мог устроить. Нужна была действенная реакция на моё тревожное обращение – собственноручная резолюция самого Чубайса. Но, как я уже сказал, пробиться к нему, минуя трёхнедельную очередь, было почти невозможно. Я говорю “почти”, так как нашёлся выход из этой ситуации.

Когда я, обескураженный, вышел из приёмной Чубайса, из головы, естественно, не выходил вопрос: “Что предпринять? Что предпринять?..” Я присел в кресло рядом с дверью приёмной и лихорадочно стал обдумывать варианты моих следующих шагов. Взгляд мой упёрся в табличку у двери на противоположной стороне. На ней золотом была прописана фамилия другого первого заместителя премьера – Бориса Ефимовича Немцова. Решение созрело моментально. С Немцовым у нас ещё со времён первого, выборного Совета Федерации сложились особые отношения. Всё началось с конфликта, когда я публично на Совете Федерации обвинил Немцова в экстремизме во время трагических событий октября 1993 года. Тогда Борис Ефимович подскочил ко мне и стал оправдываться, что его подвела пресса, он не призывал военных “давить танками” блокированных в Белом доме депутатов Верховного Совета РСФСР. Всё было, как утверждал Немцов, по-другому. Я не буду здесь пересказывать версию Бориса Ефимовича, но с того момента в нём по отношению ко мне появились элементы уважения, смешанные с боязнью, что я опять врежу ему правду-матку. Сидя в коридоре рядом с чубайсовской дверью и напротив двери немцовой, я подумал, что Немцов не откажется походатайствовать за меня перед своим другом Чубайсом.

В приёмной Немцова секретарь, которой я представился, на мою просьбу принять меня прямо сейчас ответила:

– Борис Ефимович работает строго по распорядку и руководителей регионов принимает только по предварительной договорённости.

– И всё же прошу вас, доложите обо мне, я думаю, что Борис... (я замаялся и едва “не проглотил” отчество заместителя премьера), Борис Ефимович примет меня без предварительной записи.

Эта заминка с отчеством произошла потому, что сам Немцов ко всем, без различия возраста, заслуг и чинов, обращался на “ты”. Только общаясь с Ельциным, он употреблял уважительное “вы” и, говоря о нём в третьем лице, употреблял слово “царь” – “царь сказал, царь приказал, мы с царём”. Естественно, что когда значительно младший по возрасту обращается к тебе на “ты”, то и тебя это обязывает “тыкать” оппоненту.

Секретарь, пошедшая докладывать Немцову обо мне, вскоре вышла, недоумённо пожимая плечами:

– Проходите.

Я шагнул в просторный кабинет Немцова со словами:

– Здравствуй, Борис, ты не то что Чубайс, ты доступен для ходяков из провинции, как Ленин...

Немцов улыбнулся и, поздоровавшись, сразу спросил:

– Какие проблемы?

– Проблема одна, – ответил я, – помоги попасть к Чубайсу.

Я изложил кратко, по какому делу я должен попасть к его всесильному коллеге, и Немцов тут же направился в соседний кабинет. Вскоре вернувшись, он обрадовал меня:

– Сегодня Анатолий Борисович тебя принять не может, а вот завтра в половине двенадцатого подходи.

На следующий день Чубайс принял меня. Прочтя моё письмо-обращение, он не стал писать резолюцию, а прямо при мне позвонил Виктору Борисовичу Христенко и отдал распоряжение “решить черныбыльский вопрос до конца недели”. Разговор состоялся во вторник, а в пятницу в Брянск уже поступили восемьдесят миллиардов рублей. Не удивляйтесь “миллиардам” – тогда были вот такие рублёвые масштабы.

Это была наша последняя встреча в Доме правительства. Начинаясь новый, электроэнергетический этап Чубайса.

Энергообеспечение Брянщины всегда было вопросом проблемным. Собственными энергоресурсами область обеспечена на 7–8 процентов от потребности. Но в советское время энергетические проблемы были совсем иного рода по сравнению с нынешними временами. Тогда вопрос энергодостаточности вставал при строительстве новых производственных мощностей в промышленности, сельском хозяйстве, да и в стройиндустрии. В частности, именно из-за недостатка электроэнергетических мощностей ещё до возникновения Смоленской АЭС было отложено строительство цеха электрометаллургии на Бежицком стальзаводе.

В новые времена кризис энергообеспечения не был порождён ростом по-

ребления. Вопрос встал об оплате за уже потреблённую энергию. Развал экономики привёл к нарастанию неплатёжеспособности. Страна возвратилась в дремучие времена натурального обмена. Предприятия за сырьё рассчитывались произведённым продуктом. Я помню случай, когда получать деньги на зарплату учителям пришлось тройным обменом по сложнейшей схеме за тепловоз, взятый администрацией с АО БМЗ за долги в региональный бюджет. И подобных случаев были тысячи. Но очень трудно шли на натуральный обмен брянские энергетики. А долги перед ними росли, как снежный ком. Промышленные предприятия, колхозы, муниципальные предприятия, школы, больницы ходили в должниках перед “Брянскэнерго”.

Моей команде достались долги, превышающие 500 миллионов рублей, и это без федеральных должников. За 1997-й и первую половину 1998 года нам удалось, несмотря на катастрофическое финансовое состояние, сократить задолженность почти на 150 миллионов рублей. Дефолт ещё более усугубил наше положение. Приближалась зима, администрация получила несколько предупреждений об ограничении подачи электроэнергии. К этому добавились угрозы ограничения подачи природного газа – перед газовиками тоже были многомиллионные долги. Вот тогда я почувствовал отчаянное положение и впервые по-настоящему посетовал, что пошёл на эту высокую должность.

Непонимание со стороны руководства ОАО “Брянскэнерго” заставило меня обратиться непосредственно в РАО “ЕЭС России” с мольбой установить для Брянской области твёрдый уровень поставки электроэнергии на предстоящую зиму 1998–1999 годов. На моё обращение ответил первый заместитель председателя правления РАО “ЕЭС России” О. В. Бритвин. Я мог предполагать, что получу именно такой ответ, но надеялся на лучшее.

“В настоящее время, – сообщил Бритвин известные мне цифры, – задолженность перед ОАО “Брянскэнерго” предприятий, финансируемых из средств федерального бюджета, составляет 32 миллиона рублей, а предприятий, финансируемых из средств местных бюджетов (вместе с предприятиями – оптовыми перепродавцами, подведомственными администрации), – 361,7 миллиона рублей.

Учитывая вышеизложенное, РАО “ЕЭС России” не имеет возможности установить уровень потребления электроэнергии и мощности без учёта задолженности потребителей”.

А далее, как всегда в подобных случаях, последовал “мудрый совет”: “РАО “ЕЭС России” предлагает принять меры по погашению задолженности предприятий-перепродавцов, подведомственных администрации области, и предприятий, финансируемых из средств местных бюджетов, за потреблённую электроэнергию, что позволит повысить уровень сальдо-перетоков мощности с федерального рынка”.

Короче говоря, получили мы от ворот поворот.

Пришлось начинать работу с энергетиками по новому кругу. В ноябре на совещании в администрации мы обсудили с руководителями ОАО “Брянскэнерго” целый комплекс вопросов по нашим взаимоотношениям с энергетиками. Был составлен реальный график погашения долгов. За предстоящие четыре года область обязалась погасить из общей суммы 360 миллионов рублей почти 225 миллионов при ежемесячной оплате текущих счетов потребления. Замечу, что энергетики настаивали на том, чтобы до 2003 года была погашена вся сумма наших задолженностей. Но нам удалось доказать, что эти требования превышают наши возможности. Даже выполнение достигнутых договорённостей стоило нам “большой крови”. Особенно много сил пришлось положить моим заместителям В. Ф. Родоманову, П. Е. Оненко и Л. А. Тюлягиной. Еженедельные собеседования с руководителями районов и предприятий должников буквально изматывали их, но давали реальные результаты. Но даже при серьёзных сдвигах с платежами энергетики злоупотребляли своими правами и возможностями. Мне приходилось очень часто вмешиваться в конфликты между энергетиками и потребителями. То в одном, то в другом районе электрики отключали от сетей детские сады и школы. Были случаи отключения электроэнергии от больниц во время проведения там хирургических операций. Нетерпимым оставалось отношение к сельскохозяйственным предприятиям, когда отключалась электроэнергия от сельских мастерских во время ремонта техники, зерносортировальных комплексов и пунктов во время уборки урожая.

Когда наладились дела с текущими платежами и стали сокращаться старые долги, мы решили, что настало время кардинальной ломки наших отношений с энергетиками. В это самое время к руководству в РАО «ЕЭС России» пришёл А. Б. Чубайс.

С Анатолием Борисовичем в этой его новой должности мы встретились совершенно случайно вдали от Родины – на Святой земле, в Вифлееме. Чубайс прибыл туда в делегации уже сложившего президентские полномочия Ельцина, а я в большой представительной делегации Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Ельцинская делегация была немногочисленной, вдоль колонн храма Рождества Христова прошли Ельцин с супругой, за ними дочери с мужьями, ещё несколько человек, и замыкал эту процессию... Анатолий Борисович Чубайс. Он шёл, задрав голову, и рассматривал старинные оконные витражи. Когда он поравнялся со мной, я окликнул его:

– Анатолий Борисович, с коммунистами здороваться надо.

Чубайс недоумённо остановился, увидев меня, кивнул, здороваясь, и спросил:

– А кто ещё из губернаторов здесь?

– Никого, – ответил я. – Его Святейшество решил взять из губернаторов только меня – верующего коммуниста...

Несколькими минутами позже мы стояли вне храма, на площадке у входа и вели ничего на значащий разговор. И тут я согрешил, обратился к Чубайсу с просьбой:

– Анатолий Борисович, пообещайте мне здесь, на Святой земле, что для Брянской «чернобыльской» области вы обеспечите особые, благоприятные условия энергообеспечения...

Чубайс, стиснув губы, рассерженно ответил:

– Юрий Евгеньевич, ну хотя бы здесь не доставайте меня...

– Хорошо, хорошо, – попытался я успокоить его, – но там, на родной земле, я напому вам об этом разговоре...

Но нашу встречу с ним на родной земле я не могу назвать удачной. Её организовал однопартиец Чубайса, депутат Госдумы от СПС Иван Тимофеевич Федоткин.

Мы обсудили с Чубайсом так называемые «веерные отключения», передачу энергетикам ряда «бесхозных» энергетических объектов, возможности в исключительных случаях погашения задолженности за потреблённую энергию продукцией предприятий-должников и вопрос о замене тогдашнего генерального директора ОАО «Брянскэнерго», с которым мы не находили общего языка по ряду острых вопросов. Чубайс внимательно ознакомился с выполнением графиков погашения задолженностей. Одобрил принимаемые нами меры, но генерального директора «не сдал», предложив поддержать его до скоро наступающего пенсионного возраста.

На этой встрече мы договорились, что Чубайс приедет в Брянск, где мы подпишем широкоформатное «Соглашение по стабилизации поставок, нормализации расчётов и сдерживанию роста тарифов на электроэнергию». Замечу, что соглашения с таким многозначительным названием не подписывал с РАО «ЕЭС России» ни один регион. Особенно в той части, где идёт речь о «сдерживании тарифов».

Чубайс не назвал конкретной даты приезда. Мне было понятно почему: впереди у меня были очередные выборы, и только после них можно было вести речь о встрече в Брянске. Выборы 2000 года я выиграл, а вот визита председателя правления РАО «ЕЭС России» пришлось ждать до середины 2001 года.

Основной темой для переговоров со стороны Чубайса было скорейшее погашение накопившихся долгов и прекращение так называемого перекрёстного финансирования. Что касается возвращения долгов, то здесь всё просто – составляется согласованный график платежей, и всё идёт своим чередом. Только РАО «ЕЭС России» стремится сжать до предела время погашения, а мы должны его растягивать, чтобы дополнительные бюджетные расходы не помешали финансированию социальных статей. С перекрёстным финансированием дело более сложное: федеральный оптовый рынок (ФОРЭМ) устанавливает тарифную вилку платежей за электроэнергию. Можно, руководствуясь установкой ФОРЭМа, определить средний тариф для всех потреби-

телей и обеспечить требуемые суммарные платежи. Но и в тарифной системе есть своя политика. Пользуясь “вилкой верхнего и нижнего предела”, можно одним дать тариф повыше, другим понижее. Нам приходилось постоянно воевать с наиболее досужими руководителями промышленных предприятий. За счёт повышенных тарифов для промышленности мы постоянно держали низкой планку платежей для вконец разорённого сельского хозяйства и для нищенствующего населения. Почему-то энергетики выступали постоянно против этой нашей системы дифференцированного тарифного подхода, но всякий раз нам удавалось отстоять свои позиции. Следующей чрезвычайно важной переговорной позицией были так называемые “веерные” отключения электроэнергии. Я называл их энергетическим бандитизмом. И это было пусть очень грубое, но точное определение. Когда отключается подача всем без разбора: и тем, кто числится в должниках, и тем, кто исправно платит за электроэнергию. Я говорил Чубайсу, что такое недопустимо, что наш народ недостаточно грамотен юридически, а то ведь он засудил бы “Брянскэнерго” тысячами судебных исков. Нужно было искать внесудебное решение проблемы “веерных отключений”. Мы внесли предложение рассматривать Брянскую область как единого плательщика за потреблённые энергоресурсы. И если промышленность области в целом исправно вносит текущие платежи, то энергетики не имеют права применять свои репрессивные меры ни к одному промышленному предприятию, даже если у него образовалась текущая задолженность. Она перекрывалась опережающими платежами других предприятий. Точно так же мы предложили строить отношения со строительной и сельскохозяйственной отраслями. Эти наши предложения вначале были встречены Чубайсом в штыки. Но мы убедили его в приемлемости принципа “область – единый плательщик”. Когда этот принцип стал нормой нашего соглашения, мы забыли, что такое веерные отключения электроэнергии.

В одну из встреч губернатор Тульской области Василий Иванович Стародубцев посетовал, что его “задушили веерные отключения”. Я рассказал ему о соглашении, подписанном с Чубайсом, и он изумился простоте, с какой можно решить этот болевой вопрос.

Пусть не покажется вам, что наши отношения с руководителем РАО “ЕЭС России” складывались просто и гладко – ни сучка ни задоринки. В спорах часто страсти накалялись до предела. Каждый отстаивал свои интересы. Чубайса трудно “подозревать” в альтруизме, он всегда “до последнего патрона” отстаивал интересы своей корпорации. Но когда видел, что противная сторона ведёт честную игру, выполняет ранее заключённые договорённости, то и сам шёл на ослабление своей жёсткой позиции.

Во время приезда в Брянск при окончательном согласовании сроков погашения задолженностей страсти накалились до такой степени, что казалось, переговоры вот-вот прервутся, и Чубайс уедет в аэропорт. Но всё обошлось.

В наших отношениях с “главным энергетиком страны” было несколько острых моментов. Один из них случился в Орле, где проходила коллегия РАО “ЕЭС России”. Здесь должно было подписываться соглашение корпорации с Тульской, Орловской, Калужской и Брянской областями о реформировании региональных энергетических комплексов. И вдруг я узнаю, что содержание соглашения уже согласовано со всеми руководителями соседних областей, а меня обошли стороной. Изумлённый таким хамством, я высказал своё возмущение В. И. Стародубцеву и сказал, что после перерыва я записываюсь на выступление, в котором при всей этой многочисленной прессе “размажу” по стене всю затею с реформированием, хотя и вижу в ней рациональное зерно. Этот наш приглушённый разговор, как я думаю, слышал калужский губернатор и в перерыве посвятил в него Чубайса. Как только перерыв окончился, мне принесли записку от Чубайса. Я вклеил её в книгу “Реформы по-русски”. Вот что написано в том коротком письменном обращении: “Юрий Евгеньевич! У меня предложение – давайте сейчас взаимно остановим публичные дискуссии и встретимся без всякой прессы на следующей неделе для спокойного, по делу, обсуждения будущего энергетики Брянской области. С уважением А. Б. Чубайс”.

Мы действительно встретились через неделю в Москве. Детально разобрали проект реформирования брянской энергетики. Добавили в него положения о “постепенном” прекращении перекрёстного субсидирования различных групп потребителей электроэнергии, о необходимости ускоренного развития инвес-

тиционного потенциала электроэнергетики Брянской области, ввод не только новых линий передачи электрической энергии, но и, что особенно актуально для Брянской области, строительство объектов, генерирующих электроэнергию.

Я вновь и вновь перебираю в памяти всё, что в той или иной мере связано с именем Чубайса. Мнение моё о нём раздваивается. С одной стороны, я благодарен ему за то, что, отбросив в сторону политическую неприязнь ко мне, он по-деловому решал те вопросы, которые я ставил перед ним, но я в полной мере осознаю и то, что многие проблемы и трудности, которые он помогал преодолевать, порождены непродуманными реформами, ввергшими страну в пучину бедствий.

Может быть, те, кто ещё не родился, поймут “чёрного гения реформ”. Нам, к сожалению, такое понимание не дано. Я хотел завершить эти заметки словами: “До свидания, Анатолий Борисович!” Но вовремя одумался – о каком свидании может идти речь? Поэтому – прощайте. Русский народ никогда не забудет имени Чубайса.

Хутор Зареченский, февраль 2006 года.